

Едва они закончили прогулку, как госпожа Юй принесла питательный отвар. В эти дни она лично готовила на кухне, вываривая для Ань Чанцина разнообразные целебные снадобья. Ань Чанцин послушно принял пиалу и стал медленно пить. Госпожа Юй села напротив с обеспокоенным видом, то и дело порываясь что-то сказать, но не решаясь. Когда Ань Чанцин допил отвар, она поспешно взяла себя в руки, с улыбкой заговорив:

— Родильня уже готова. Когда придет время, лекарь Ху и Юй Сяо будут принимать роды внутри. Мы с твоей сестрой останемся снаружи, так что не бойся.

Она хотела добавить что-то еще, губы ее дрогнули, но слова так и не прозвучали.

Ань Чанцин прекрасно понимал ее чувства. Сяо Чжигэ до сих пор не вернулся. Он и сам испытывал разочарование, но окружающие волновались даже больше него. Должно быть, они боялись расстроить его и потому не смели даже заикаться об этом.

Поэтому он лишь улыбнулся и сжал руку госпожи Юй, успокаивая:

— Да, я не боюсь.

Госпожа Юй погладила его по голове, как в детстве, но про себя тихо вздохнула. На самом деле у нее не было привязанности к своему происхождению и роду — столько десятков лет прошло, она давно относилась к этому с равнодушием. Но сейчас, глядя на Ань Чанцина с огромным животом, которому вот-вот предстояло пройти через врата смерти, она испытывала сожаление: если бы ей удалось отыскать родных, возможно, сыну не пришлось бы сталкиваться с этой неизвестной опасностью и страхом.

Заметив ее подавленный вид, Ань Чанцин, опасаясь, как бы она не предалась мрачным мыслям, сам стал успокаивать ее, переводя разговор на другую тему:

— Юй-эр уже должна скоро вернуться?

Ань Сяньюй в Женской школе чувствовала себя как рыба в воде. Обладая выдающимися познаниями, она более чем справлялась с обучением девушек. Вдобавок к красивой внешности она отличалась кротким нравом, из-за чего за последнее время завоевала в школе немалое уважение. Сначала в Женской школе учились лишь дочери из бедных семей, но постепенно ее слава росла, и богачи, и даже чиновники стали отправлять туда своих дочерей. Дела школы шли все лучше, а к Ань Сяньюй, вступившей в нее одной из первых, относились с наибольшим доверием. Ныне она превратилась в правую руку настоятельницы и была занята даже больше, чем Ань Чанцин. И лишь из-за скорых родов брата она взяла отпуск, чтобы побыть рядом.

— Должна вернуться к сегодняшнему вечеру, — госпожа Юй и впрямь отвлеклась и мягко улыбнулась. — Она взяла отпуск на десять дней, просила передать, что хочет хорошенько присмотреть за маленьким племянником или племянницей, чтобы они потом были к ней ближе.

Слова о племяннице Ань Сяньюй произнесла сразу, как только узнала, что он ждет двойню. Двойня в Да Е считалась добрым предзнаменованием, а уж разнополая двойня — тем более. Поэтому Ань Сяньюй без конца твердила, что брат обязан подарить ей племянницу, которой она в будущем лично даст начальное образование.

При упоминании детей выражения их лиц смягчились.

Ань Чанцин только собирался что-то сказать, как вдруг издалека донесся крик:

— Князь вернулся! Князь вернулся!

Ань Чанцин опешил и обернулся. В сад, запыхавшись, вбежал Ань Фу, выкрикивая эти слова во все горло. Ань Чанцин даже не успел осознать услышанное. Сяо Чжигэ отправился в поход во главе двадцатитысячной армии, и если бы он возвращался с победой, шум стоял бы немалый — о его прибытии донесли бы заранее.

Едва он подумал, не послышалось ли Ань Фу, как мимо слуги промчался вороной конь. В считанные мгновения всадник остановился прямо во дворе. Мужчина, с ног до головы покрытый дорожной пылью, ловко спрыгнул с седла и широкими шагами направился к беседке.

Ань Чанцин ошеломленно смотрел на него, даже забыв подняться.

Сяо Чжигэ сбросил плащ, засвидетельствовал уважение госпоже Юй и лишь затем подошел к жаровне в беседке, чтобы разогнать сковавший тело холод. Его темные, глубокие глаза не отрываясь смотрели на юношу:

— Я успел.

Заметив это, госпожа Юй вместе с Юй Сяо тихо удалились.

Ань Чанцин смотрел на него не мигая, а затем порывисто бросился к нему в объятия, обхватив руками его крепкую талию и уткнувшись лицом в грудь, не произнося ни слова.

— Осторожно, живот. Я весь прозяб, — Сяо Чжигэ подхватил его. Ему безумно хотелось прижать любимого к себе, утоляя тоску разлуки, но он боялся охладить его своим холодом, поэтому лишь осторожно обнял его.

— Я думал, ты не успеешь, — Ань Чанцин шмыгнул носом и поднял голову.

Лицо мужчины было обветренным, губы потрескались, а на подбородке темнела щетина — очевидно, он мчался без отдыха день и ночь.

Тепло от жаровни в беседке уже развеяло холод. Сяо Чжигэ тяжело вздохнул, бережно обнял его за талию, уткнулся подбородком в его шею и с тихим вздохом произнес:

— На юге еще не все кончено, я оставил там Се Лина.

Разве мог он позволить ему одному войти в родильную комнату? Передав дела на юге Се Лину и Те Ху, он в сопровождении лишь десятка всадников мчался во весь опор назад, боясь не успеть к родам.

Ань Чанцин с улыбкой прижался к нему, тихо отозвавшись, его губы озарились радостью.

Сяо Чжигэ поднял голову и легким поцелуем коснулся его макушки:

— Пока меня не было, тебе пришлось несладко.

Уехал в десятом месяце, а сейчас уже двенадцатый. Около трех месяцев в разлуке! Пока они были вдали друг от друга, еще удавалось сдерживать тоску и одиночество, но стоит обняться, как чувство накрывает с новой силой, разгораясь в сердце куда горячее, чем в дни разлуки.

Сяо Чжигэ не желал выпускать его из объятий, но боялся надавить на живот. Поразмыслив, он подхватил Ань Чанцина на руки, сам уселся на мягкую кушетку и усадил его к себе на колени.

Ань Чанцин немного посопровтивлялся, но Сяо Чжигэ крепко держал его и не отпускал. Тогда Ань Чанцин прищурился, щипнул его за руку и проворчал:

— Отец называется! Не подавай дурного примера двоим детям!

— Да что они... — На полуслове улыбка Сяо Чжигэ застыла. Он резко осознал сказанное, и в его голосе прозвучало изумление: — Двоим детям?

Глядя на его ошеломленный вид, Ань Чанцин с довольным видом погладил живот и гордо приподнял подбородок:

— Угу. Лекарь Ху сказал, что у меня двойня.

От автора:

Сяо Чжигэ: !!!!!!!!!!!!!!!

Но-но: Хи-хи-хи~

—

Эх, сегодня Сяо Чжигэ совсем опешил от испуга~

Сяо Чжигэ замлел от шока.

Его суровое и невозмутимое обычно лицо сейчас смотрелось даже немного глуповато. В глубине его глаз сменилась целая гамма чувств, прежде чем он с трудом шевельнул губами, занеся ладонь над животом — ему хотелось прикоснуться, но он не смел.

— Двое?

— Угу. Один побойчее, второй постабильнее.

Ань Чанцин улыбнулся, накрыл своей ладонью его руку и опустил ее на живот. Зимняя одежда была плотной, но даже сквозь нее Сяо Чжигэ почувствовал легкие движения под ладонью.

— Смотри, они шевелятся.

— Да, я чувствую.

Сяо Чжигэ счастливо и слегка растерянно улыбнулся, благоговейно глядя на его живот.

Когда он уезжал, у Ань Чанцина живот едва округлился, а теперь, когда он вернулся, двое малышей уже давали о себе знать. В его взгляде смешались радость и тревога:

— Двое детей... тяжело ли их рожать?

— Лекарь Ху сказал, что опасаться нечего. Мой живот примерно такого же размера, как у обычной женщины с одним ребенком, — Ань Чанцин знал, что тот неизбежно будет переживать, поэтому успокаивал его: — Все уже подготовлено, ничего не случится.

Сяо Чжигэ глухо отозвался и лишь крепче обнял его.

Вечером они вместе поужинали и вернулись в спальню отдыхать. Ань Чанцин любил чистоту,

но сейчас, когда тело стало тяжелым, умыться самостоятельно было тяжело, а слуг он не жаловал. Теперь, с возвращением Сяо Чжигэ, эта забота отпала.

Слуги принесли горячую воду в купальню. Ань Чанцин хотел лишь попросить мужчину помочь ему забраться в бадью, но Сяо Чжигэ просто протянул руки, уверенно поднял его и бережно опустил в воду.

Ань Чанцин был лишь в тонком нижнем белье, которое снял уже в воде. Вода была приятной температуры, и Ань Чанцин с удовольствием расслабился, тихо вздохнув от неги.

Он уже собрался взять моющий порошок, но протянутая рука осталась ни с чем. Сяо Чжигэ не ушел, а держал в руках ткань и порошок, произнося со всей серьезностью:

— Я сам тебя вымою.

От парной воды щеки Ань Чанцина вспыхнули. Он внимательно посмотрел на него, а затем молча повернулся спиной — за три месяца разлуки не один лишь Сяо Чжигэ тосковал по нему, он тоже очень скучал.

Сяо Чжигэ заботливо омыл его, а затем обернул большим полотенцем и отнес в спальню.

В комнате горели жаровни, было тепло и уютно, а постель уже прогрели грелкой. Ань Чанцин забрался к стене, опустил полог, переоделся в сухое белье и присел, наблюдая за ним.

Сяо Чжигэ стоял снаружи и снимал намокшее одеяние. Его мускулистое тело выглядело даже крепче, чем до отъезда. Ань Чанцин смотрел широкими глазами, не мигая. Внезапно мужчина обернулся, посмотрел на него темным и пристальным взглядом, а затем медленно улыбнулся:

— Посмотришь, когда я закончу мыться.

Щеки Ань Чанцина обдало жаром. Он поспешно отвел взгляд, подтянул одеяло, лег на бок и отвернулся.

<http://bllate.org/book/18381/1767868>